

Выбор был не в том, что будет больно или не будет. Было ясно, что будет.

Первый вопрос, который постоянно возникает в ходе дискуссий о реформах в России в постсоветскую эпоху: “Была ли у Советского Союза возможность пойти по “китайскому” пути развития?”

“Китайским” путем можно назвать путь упорядоченных, постепенных реформ, которые позволяют формировать основы рыночного хозяйства не вместо ранее существовавшего социалистического сектора, а рядом с ним, поэтапно наращивая в экономике долю частного сектора, рыночных регуляторов, тем самым перераспределяя центр тяжести с социалистической планово-распределительной системы на частную, рыночную. Опыт показывает, что такие реформы позволяли динамично развиваться, обходиться без серьезных спадов в объемах производства в тех случаях, когда они начинались на ранней стадии индустриализации, в аграрных обществах с долей занятых в сельском хозяйстве – более 70%.

Когда в странах есть еще примитивное, обладающее крупными избыточными ресурсами рабочей силы сельское хозяйство, небольшой городской государственно-промышленный сектор, можно формировать новый частный сектор, не реконструируя радикально работу государственного.

Деколлективизация в сельском хозяйстве – доминирующей отрасли экономики – позволяет включить здесь рыночные стимулы, сохраняя его как базу финансирования индустриализации, обеспечения формирующегося частного сектора трудовыми ресурсами. Частный и получающий индустриальный сектор формируется рядом с государственным, используя конкурентные преимущества, связанные с предельной дешевизной рабочей силы, его роль в структуре занятости постепенно растет (см. *таблицу 1*).

**Численность занятых по секторам промышленности в Китае
(1991-1996 годы, млн.человек))***

Рабочая сила на конец года	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Городские государственные предприятия	75,0	76,4	76,4	76,5	77,0	76,7
Городские коллективные предприятия	36,2	36,2	33,9	32,9	31,5	30,0
Городские совместные предприятия	2,2	2,8	5,4	7,6	8,8	9,5
Городские частные предприятия	7,6	8,4	11,2	15,6	20,6	23,4
сельская рабочая сила	478,3	483,1	487,8	487,9	488,5	490,4
В т.ч. местные промышленные предприятия	96,1	106,3	123,5	120,2	128,8	135,1

* – People's Republic of China – Recent Economic Developments. Wash. IMF. 1997.

Динамичный рост производства в частном и получастном секторе позволяет мобилизовать финансовые ресурсы для поддержки менее эффективного государственного сектора. Лишь в самое последнее время вопрос о серьезной реформе собственно государственного сектора промышленности начал выдвигаться на авансцену дискуссии о стратегии экономической политики.

И Китай, и Вьетнам, и Лаос к моменту начала своих реформ по уровню развития, – по валовому внутреннему продукту на душу населения (с учетом паритетов покупательной способности), по уровню занятости в сельском хозяйстве, – находились примерно на уровне Советского Союза 1929 года (см. таблицу 2).

Уровень экономического развития в Китае и СССР

	ВВП на душу населения*	Доля занятых в сельском хозяйстве	Доля сельского населения
СССР (1929г.)	1386	81**	82**
Китай (1978г.)	1352	76***	81***

* В паритетах покупательной способности, доллары 1990 года. (A. Maddison. Monitoring the World Economy 1820-1992), Paris. OECD. 1995.

** – Перепись 1926-1927 годов.

*** – 1980 год. Отчет о мировом развитии.1997. Мировой банк. 1997.

Поэтому вопрос о “китайском” пути для СССР – это вопрос о существовании альтернативы сталинской модели индустриализации.

Специфика выхода из социализма на ранней стадии еще и в том, что к этому времени социализм не успевает сформировать систему социальных гарантий. Обсуждая проблему "китайского пути", надо учитывать, что Китай – страна не имеющая общей пенсионной системы, а право на пенсию здесь имеет ограниченный круг категорий населения. Отсутствие широко распространенных социальных гарантий, которые возникают на поздних стадиях социалистической индустриализации (в СССР вплоть до начала 50-х годов подавляющая часть населения также не имела права на пенсию) это дополнительный фактор, который открывает иные возможности выхода из социализма. Сочетание динамичного экономического роста, обеспечиваемого за счет перераспределения рабочей силы из деревни в быстро растущий индустриальный частный сектор, и низких социальных расходов позволяет последовательно снижать государственную нагрузку на экономику, поддерживать на низком уровне налогообложение, создавая благоприятные условия для частных инвестиций (см. *таблицу 3*).

Таблица 3

Доходы и расходы бюджета в Китае в 1980-1996 годах (в долях ВВП)*

	1980	1986	1990	1996
Доходы	30,6	24,0	19,2	11,4
Расходы	34,1	25,8	21,1	12,9
В том числе инвестиционные расходы	11,6	7,4	4,6	2,1

*- People's Republic of China – Recent Economic Developments. Wash. IMF.1997.

Можно ли было пойти по этому пути в Советском Союзе?

История не знает сослагательного наклонения. Во всяком случае, это вопрос, который имел прямое отношение к России 29-го года, некоторое отношение к России 45-го года сразу после войны, какое-то отношение к России конца 50-ых годов, когда доля сельского хозяйства в занятости была близка к 50% и еще сохранялся индустриализационный потенциал перераспределения трудовых ресурсов, но обсуждать эту тему в высоко индустриальной экономике со сложившимися масштабными диспропорциями, с отсутствующими крупными резервами избыточной занятости в сельском хозяйстве, со сложившимися дорогостоящими социальными программами - беспредметно.

На этом этапе такого пути просто не существует. Все попытки, предпринятые в рамках этой парадигмы, только дестабилизируют уже сформированный индустриальный социум, одновременно не создавая базы для возможности такого маневра. Венгрия, которая встала на подобный путь достаточно рано – в 57-ом году, и потом шла по нему особенно активно с 68-го года, будучи достаточно развитой страной, не обошлась без серьезного падения объемов производства в начале девяностых годов. Дискуссия о том, была ли у СССР возможность выйти на “китайский путь” – интересный вопрос из экономической истории 30-50-ых годов. К тому, что происходило в стране в конце 80-ых, он прямого отношения не имеет.

Другой вопрос, можно ли было проводить реформы не по "китайскому", а по "венгерскому пути", т. е., уже столкнувшись с серьезными проблемами, связанными с социальной перегрузкой экономики, деформированной индустриальной структурой, не пытаясь уйти от серьезного падения производства, связанного с необходимой реструктуризацией промышленности, с тем, что ее значительная часть в рыночных условиях просто не может существовать? Можно ли было, тем не менее, провести постсоциалистический переход более упорядоченно, без социальных перегрузок?

Вероятно, это было возможно. Но для этого реформы надо было начинать в 60-х годах. Тогда к концу 80-х в России была бы уже достаточно развитая частно-правовая база и система рыночных цен, не сложились бы такие масштабные финансовые диспропорции. Последовательное развитие начатых в середине шестидесятых годов рыночных реформ могло бы открыть эту дорогу. К сожалению, реформы были прерваны руководством КПСС, опасавшимся того, что за экономическими преобразованиями может последовать политическая дестабилизация, утрата власти.

К середине восьмидесятых, когда политическое развитие вновь открыло возможности таких упорядоченных преобразований, шансы на их успех были уже существенно ниже. Разумеется, сыграли роль и субъективные причины. У Рыжкова было фатальное непонимание того, как функционирует рыночная экономика. Набор хаотических действий, крайне опасных именно своей несистемностью, – начиная с неудачной попытки форсировать экономический рост и кончая законом о предприятии, – быстро дестабилизировал ситуацию. Но ведущую роль сыграли объективные причины. В 85-ом году положение страны только на первый взгляд казалось устойчиво-застойным. Оно уже было внутренне нестабильным. Весь рост 70-х, начала 80-х базировался не просто на нефтяных доходах, а на нефтяной ренте, получаемой от эксплуатации уникально эффективных месторождений с низкой себестоимостью и капиталоемкостью добычи. Именно эти месторождения и благоприятная конъюнктура на рынке нефти позволили не проводить каких бы то ни было реформ, компенсировать нарастающую неэффективность хозяйства, вести масштабное военное строительство, пытаться поддерживать уровень жизни населения за счет масштабного продовольственного импорта.

Роль нефтяных доходов в Советском Союзе была существенно выше, чем их доля в ВВП. Традиционно фундаментальная проблема для социалистической экономики – неконкурентоспособность экспорта обрабатывающих отраслей. В Советском Союзе в структуре экспорта на конвертируемую валюту доля машиностроения составляла примерно 3%. Нефтяные доходы были тем мостиком, который позволял связывать советскую экономику с мировой, на время компенсировать масштабными импортными закупками нарастающее технологическое отставание от рыночных экономик, последствия глубокого кризиса сельского хозяйства. Как только эта нефтяная рента в восьмидесятых годах начинает сокращаться, идет взрывной рост капиталоемкости и себестоимости нефтедобычи, вся индустриальная структура производства и потребления, сформированная с середины шестидесятых годов, оказывается нежизнеспособной.

На структурные проблемы наложилось переплетение экономических и социально-политических процессов. В социально-политическом развитии есть своя логика. От того факта, что большинство бедных стран не являются демократиями, а подавляющее большинство богатых стран таковыми являются, не отмахнешься. Как правило, переход к демократии начинается при определенном уровне индустриальной зрелости, доле населения, живущей в городах, уровне грамотности, уровнях доходов и т. д. Общество как бы дозревает до того момента, когда авторитарные формы правления оказываются для

него тесными. Именно с этого момента для авторитарных режимов и наступают тяжелые времена.

Прошедший с 1978 года огромный путь, Китай и до сих пор это страна, не дошедшая до уровня, на котором начинается массовый кризис авторитарных режимов. А Советский Союз в конце 80-х годов, точно так же, как Чехия, Польша, Венгрия и ГДР – страны уже перешедшие рубеж, за которым для общества авторитарный режим перестает быть чем-то естественным.

Именно поэтому такие робкие шаги Горбачева по либерализации режима были подхвачены мощнейшей волной, которую он оказался не в состоянии контролировать. В этой связи, если бы коммунистическое руководство СССР действительно хотело проводить упорядоченные рыночные реформы, где политические и, в том числе, демократизационные компоненты не играют серьезной роли, то и по этой причине их надо было проводить на гораздо более ранней стадии развития.

Все вместе – глубокий структурный кризис, ошибки Горбачева и Рыжкова, их наложение на кризис авторитарного режима, – придали развитию событий в СССР взрывной, революционный характер.

Революция по своей природе это процесс глубоких структурных преобразований, протекающих в условиях слабости государственной власти. В этой связи, все, что происходило у нас в первой половине девяностых годов, надо оценивать по законам протекающих революций. Они всегда тяжелы для общества, поле свободного маневра власти в революционных условиях очень ограничено. В них проявляются сходные проблемы, скажем, глубокий финансовый кризис, начинающийся в предреволюционную эпоху и простирающийся на большую часть революционного периода, который удается преодолеть только после консолидации власти.

Вычленим страны, в которых выход из социализма происходит на высоком уровне индустриального развития, т. е. при доле занятости в сельском хозяйстве меньше, чем 50%. Это почти 30 стран, в них сменилось более ста правительств, проводились разные политики. В этой связи, оценку результатов разных, в том числе более радикальных и более умеренных стратегий выхода из социализма имеет смысл проводить на базе накопленного опыта.

Результаты такого анализа показывают, что не было такой социалистической страны, которая, начиная преобразования на относительно высокой стадии

индустриального развития, не столкнулась бы с серьезным падением объема производства (минимум на 18%), (см. таблицу 4)

Таблица 4.¹

**Рост реального ВВП в Восточной Европе,
странах Балтии и СНГ², (изменения в %)**

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996 оценоч но	1997 ожидае мый	уровень реального ВВП (оценочно)	ожидаемый уровень ВВП
									(1989=100)	(1989=100)
Албания	-10,0	-27,7	-7,2	9,6	9,4	8,9	8,2	-15,0	85	73
Болгария	-9,1	-11,7	-7,3	-2,4	1,8	2,1	-10,9	-7,0	67	63
Хорватия	-6,9	-19,8	-11,1	-0,9	0,6	1,7	4,2	5,0	70	74
Чешская республика	-1,2	-11,5	-3,3	0,6	2,7	5,9	4,1	1,0	89	90
Эстония	-8,1	-7,9	-14,2	-8,5	-1,8	4,3	4,0	7,0	71	76
Бывшая югославская республика Македония	-9,9	-12,1	-21,1	-8,4	-4,0	-1,4	1,1	2,0	55	56
Венгрия	-3,5	-11,9	-3,1	-0,6	2,9	1,5	1,0	3,0	86	89
Латвия	2,9	-10,4	-34,9	-14,9	0,6	-0,8	2,8	3,4	52	54
Литва	-5,0	-13,4	-37,7	-24,2	1,0	3,0	3,6	4,5	42	44
Польша	-11,6	-7,0	2,6	3,8	5,2	7,0	6,0	5,5	104	110
Румыния	-5,6	-12,9	-8,7	1,5	3,9	7,1	4,1	-1,5	88	87
Словакия	-2,5	-14,6	-6,5	3,7	4,9	6,8	6,9	4,5	90	94
Словения	-4,7	-8,9	-5,5	2,8	5,3	4,1	3,1	4,0	95	99
Страны Вост. Европы и Балтии*	-6,8	-10,6	-4,2	0,4	3,7	5,3	4,1	3,1	92	95
Армения	-7,4	-17,1	-52,6	-14,8	5,4	6,9	5,8	5,8	37	39
Азербайджан	-11,7	-0,7	-22,6	-23,1	-18,1	-11,0	1,3	5,2	39	41
Беларусь	-3,0	-1,2	-9,6	-7,6	-12,6	-10,4	2,6	3,0	64	66
Грузия	-12,4	-13,8	-44,8	-25,4	-11,4	2,4	10,5	10,5	31	34
Казахстан	-0,4	-13,0	-2,9	-10,4	-17,8	-8,9	1,1	2,0	57	58
Киргизстан	3,0	-5,0	-19,0	-16,0	-20,0	1,3	5,6	6,0	57	60
Молдова	-2,4	-17,5	-29,0	-1,0	-31,2	-3,0	-8,0	-2,0	35	34

¹ Transition Report 1997. EBRD 1997.

² Данные за 1990-1995гг. – наиболее поздние официальные оценки, в публикациях национальных служб, МВФ, МБ, ОЭСР, ПланЭкон и Института Международных Финансов; данные за 1996 г. – предварительные фактически существующие, в основном официальные правительственные оценочные данные; данные за 1997 г. – прогнозируемые показателя ЕБРР.

Россия	-4,0	-5,0	-14,5	-8,7	-12,6	-4,0	-5,0	1,0	57	57
Таджикистан	-1,6	-7,1	-29,0	-11,1	-21,5	-12,5	-7,0	-3,0	37	36
Туркменистан	2,0	-4,7	-5,3	-10,0	-19,0	-8,2	-3,0	-15,0	60	51
Украина	-3,4	-11,6	-13,7	-14,2	-23,0	-11,8	-10,0	-3,0	39	37
Узбекистан	1,6	-0,5	-11,1	-2,3	-4,2	-0,9	1,6	1,0	85	86
СНГ**	-3,7	-5,8	-14,3	-9,3	-13,5	-4,9	-4,6	0,8	56	56
Страны Восточной Европы, Балтии и СНГ	-4,9	-7,7	-10,3	-5,4	-6,6	-0,8	-1,1	1,7	70	72

* – Оценочные данные по реальному ВВП представляют собой взвешенные усредненные показатели для Албании, Болгарии, Хорватии, Чешской республики, Эстонии, бывшей югославской республики Македония, Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Словакии, Словении. Рассчитано на основе оценочных данных ЕБРР по ВВП в номинальном долларовом эквиваленте на 1996 год.

** – Настоящие данные приведены для всех стран бывшего СССР за исключением Эстонии, Латвии и Литвы. Оценочные данные по реальному ВВП представляют собой средневзвешенные величины. Рассчитано на основе оценочных данных ЕБРР по ВВП в номинальном долларовом эквиваленте на 1996г.

Конечно, есть проблема постсоциалистических измерений. Социалистическая статистика завышала объемы производства из-за того, что они были базой для оценки деятельности, а постсоциалистическая – занижает, потому что они являются базой для налогообложения. Тем не менее, снижение производства было слишком глубоким и универсальным, чтобы можно было бы списать его со счетов, как чисто статистическую иллюзию.

Самым коротким падение было в тех странах, которые прошли через так называемую “шоковую терапию”, т. е. в странах, которые достаточно решительно взялись за продвижение по основным направлениям постсоциалистических реформ – либерализация, финансовая стабилизация, введение конвертируемой валюты, открытие своей экономики. Опыт показал, что это дает достаточный импульс для формирования частного сектора.

В целом, в странах с “шоковой терапией”, к которым можно отнести государства, сумевшие в течение одного года сбить высокую инфляцию до уровней, как правило, не превышающих 5% в месяц (Польша, Чехия, Словакия, Словения, Эстония, Латвия) – именно в этой группе стран экономический рост начинается раньше, чем в других (см. *таблицы 4, 5*).

Инфляция в странах Восточной Европы, Балтики и СНГ**(Изменения в уровне розничных/потребительских цен в % на конец года)⁴**

	1991	1992	1993	1994	1995	1996 оценочно	1997 ожидаемы й уровень
Албания	104	237	31	16	6	17	41
Болгария	339	79	64	122	33	311	592
Хорватия	250	938	1,149	-3	4	3	4
Чешская республика	52	13	18	10	8	9	9
Эстония	304	954	36	42	29	15	12
Бывшая югославская респ. Македония	230	1925	230	55	9	0	8
Венгрия	32	22	21	21	28	20	17
Латвия	262	959	35	26	23	13	8
Литва	345	1161	189	45	36	13	10
Польша	60	44	38	29	22	19	15
Румыния	223	199	296	62	28	57	116
Словакия	58	9	25	12	7	5	7
Словения	247	93	23	18	9	9	9
Страны Вост. Европы и Балтии*	193	510	166	35	19	38	65
Армения	25	1,341	10,896	1885	32	6	19
Азербайджан	126	1395	1294	1788	85	7	7
Беларусь	93	1558	1994	1900	243	40	99
Грузия	131	1177	7488	6493	57	14	9
Казахстан	137	2984	2169	1160	60	29	12
Киргизстан	170	1259	1363	96	32	35	24
Молдова	151	2,198	837	116	24	15	11
Россия	144	2,501	837	217	132	22	14
Таджикистан	204	1364	7344	1	2,132	41	105
Туркменистан	155	644	9750	1328	1262	446	44
Украина	161	2730	10155	401	182	40	15
Узбекистан	169	910	885	1,281	117	64	40
СНГ**	139	1672	4584	1387	363	63	33

³ Transition Report 1997. EBRD 1997.⁴ Данные за 1990-1995гг. – наиболее недавние официальные оценки, существующие в соответствующих публикациях национальных служб, МВФ, МБ, ОЭСР, ПланЭкон и Института Международных Финансов; данные за 1996г. являются предварительными фактически существующими, в основном официальные правительственные оценочные данные; данные за 1997г. – прогнозируемые показатели ЕБРР. Статистика по Албании за 1997г. основывается на информации, полученной из тех частей страны, в которых было возможно собрать данные.

* – Невзвешенные усредненные показатели для Албании, Болгарии, Хорватии, Чешской республики, Эстонии, бывшей югославской республики Македония, Венгрии, Литвы, Латвии, Польши, Румынии, Словакии, Словении.

** – Невзвешенные усредненные показатели для всех стран бывшего СССР, за исключением Эстонии, Латвии и Литвы.

Экономический рост начинается значительно позже или оказывается неустойчивым в странах, которые избрали путь более медленной политики постсоциалистического перехода.

Можно привести два характерных примера подобного рода. Первый – это Румыния, в которой градуализм был официально принятой политикой. Румынская программа экономических реформ с самого начала выработывалась, опираясь на критику польского опыта. Путь, по которому пошли в Польше, румынскому руководству начала девяностых годов казался опасным, жестким, социально неприемлемым. Поэтому градуализм – постепенная либерализация цен, медленная дезинфляция, неконвертируемость валюты, отсутствие единого валютного курса, очень медленные структурные преобразования, – это все было сутью реализованной модели трансформации. Результатом стали растущий дефицит текущего платежного баланса, форсированное накопление внешнего долга, хронический дефицит конвертируемой валюты, неустойчивость экономического роста, сменившегося в 1997 году падением производства. В 97-ом году Румыния была вынуждена встать на путь ускорения преобразований – либерализовать цены, ввести конвертируемость национальной валюты. Румынское руководство вынуждено начинать делать через семь лет то, что поляки делали еще в 90-ом году.

Второй пример – Украина, страна, где в самом начале неприятие “шоковой терапии” в российском или польском вариантах тоже было символом веры. Премьер-министр Украины В. Фокин говорил, что незачем контролировать бюджетный дефицит, когда в руках печатный станок. Либерализация цен здесь проходила медленно и непоследовательно, надолго сохранялось прямое государственное регулирование производства и реализации продукции, финансовая политика была очень мягкой, а накопленная инфляция в результате – чрезвычайно высокая. И сегодня Украина – при том, что она была вынуждена в 1994 году, дойдя до грани гиперинфляции, существенно менять курс и проводить финансовую стабилизацию, постепенно сбивая инфляцию, – все равно одна из немногих постсоциалистических стран, где продолжается падение валового внутреннего продукта.

Таким образом, выбор был не в том, будет ли падение производства – оно было неизбежным – выбор состоял в том, окажется ли правительство, понимая это, способным проводить быстрые, решительные систематические преобразования, и тогда за сравнительно короткий промежуток времени (на третий-четвертый год) сформировать базу экономического роста, иметь возможность его обеспечить, либо нет, и тогда это падение растягивается, а его масштабы – увеличиваются.

В последнее время вошли в моду работы, в рамках которых формируются условные показатели рыночной ориентированности экономической политики. Такие приемы есть в работах специалистов Мирового банка, Европейского банка реконструкции и развития. Эти работы кажутся достаточно уязвимыми. В подобных оценках неизбежно присутствует элемент вкусовщины. Поэтому и получаемые зависимости весьма уязвимы для критики. Гораздо надежнее анализ, построенный на базе объективных показателей: динамики денежной массы, инфляции, объема производства, доли денег в валовом внутреннем продукте, процентных ставок и т. д. Их, по меньшей мере, можно проверить.

Какие выводы позволяет сделать анализ разных стратегий формирования рыночной экономики?

В условиях высокой инфляции происходит эрозия доверия к национальной валюте. Это общеизвестный, хорошо изученный феномен. Страны, выходящие из гиперинфляции или из высокой инфляции, обычно выходят из них с низкой долей денег в валовом внутреннем продукте. И это понятно. Если только что произошел крах национальной валюты, то к моменту выхода из гиперинфляции большая доля сбережений населения будет храниться в долларах, в другой конвертируемой валюте, в неденежных формах при минимальной доле в национальных деньгах.

Процесс этот носит несимметричный характер: подорвать доверие к национальным деньгам легко, а восстановить его трудно. Никакие декларации в этом деле не помогают. Нужен вновь накапливаемый длительный опыт жизни в условиях низкой инфляции, стабильности национальной валюты, для того, чтобы постепенно, шаг за шагом, начать восстанавливать долю денег в ВВП, которая была до инфляционного периода. Любые попытки ускорить этот процесс ведут к строго противоположному результату – к новому подрыву доверия к национальным деньгам. Это как, когда вы идете по узкой гористой тропинке: свалиться – просто, вскарабкаться обратно – очень трудно.

Сегодня, в начале 98-го года, месячные темпы инфляции в России, Польше и Чехии близки. Но при этом, доля денег в валовом внутреннем продукте различается радикально.

В Чехии, которая вообще не прошла период высокой инфляции, доля денег в ВВП, характерная для развитых рыночных экономик, – около 80%. В Польше, которая прошла период высокой инфляции в 89-ом, начале 90-го года, она достаточно низка по стандартам рыночных экономик (32-35% в ВВП) и очень трудно и медленно повышается. А в России, которая прошла период длинной высокой инфляции, она аномально низкая (15%). В странах, которые имели протяженность инфляций еще более длинную и высокую, чем в России, – в Грузии, Армении и т. д. – эта доля в 2-3 раза ниже

Как показывают исследования ИЭППИ, есть обратная зависимость между долей денег в ВВП на момент стабилизации – на момент, когда инфляция становится низкой, – и логарифмом накопленной инфляции за годы высокой инфляции. Политика быстрой дезинфляции или так называемой “шоковой терапии”, позволяет выйти из периода высокой инфляции со сравнительно высокой долей денег в ВВП. Если правительству этого сделать не удастся, страна выходит из периода денежной нестабильности с очень низкой долей денег в ВВП. В последнем случае это значит, что потом взбираться по этой лесенке ремонетаризации экономики придется очень и очень долго. Если сегодня доля денег в ВВП 15%, то оптимистичное ожидание – при очень точной политике центрального банка, при том, что складывается благоприятная конъюнктура – это выйти на двадцатипроцентный годовой рост монетизации. Тогда для того, чтобы выйти на польский уровень, России потребуется 5 лет, на чешский – десятилетие.

Низкая доля денег в ВВП влечет за собой широкое распространение неденежных форм расчетов, бартера, различного вида суррогатов, долларового оборота, – все это создает благоприятный фон для уклонения от уплаты налогов. В этой связи можно посмотреть другую зависимость – зависимость между выбором стратегии быстрой или медленной дезинфляции и долей доходов бюджета в ВВП на момент стабилизации. Выясняется, что страны “шоковой терапии”, которые не подорвали радикально доверие к собственным деньгам, достаточно быстро выводят уровень своих доходов в бюджете на удовлетворительные величины.

Сегодня и в Чехии, и в Словакии, и в Словении, и в Венгрии, и в Польше доля государственных доходов в ВВП – в диапазоне между 45 и 50%, что, примерно, на уровне, характерном для развитых стран европейского союза, существенно выше, чем во многих других рыночных экономиках с аналогичным уровнем ВВП.

В странах постепенного или градуалистского пути трансформации период высокой инфляции и финансовой нестабильности продолжается дольше. Доля денег в ВВП низкая, высока доля неденежных расчетов. В подавляющем большинстве этих стран происходит

не только резкое падение доли денег в ВВП, но и резкое падение доли доходов бюджета в ВВП. Анализ статистики показывает, что есть видимая обратная корреляционная зависимость между долей доходов бюджета в ВВП на момент стабилизации и логарифмом накопленной инфляции за период преобразований.

Если мы измерим жесткость социальной адаптации, как соотношение социальных расходов в период Т (крах социализма), и период Т+1 (постсоциалистическая стабилизация), то в момент, когда начинается рост производства, в странах шоковой терапии социальная адаптация оказывается менее жесткой – социальные расходы не сокращаются, и даже растут по многим направлениям. А в странах мягких градуалистских реформ, в силу большего объема падения производства и большего падения доли расходов бюджета в ВВП, сокращение социальных расходов оказывается существенно более высоким, чем в странах "шоковой терапии". Таким образом, путь градуалистских реформ оказывается гораздо более болезненным, вынужденно подвигает правительство выбравших его стран в направлении либеральных реформ теперь уже более жестких, чем при "шоковой терапии".

Это фон, на котором можно оценивать российскую политику после краха социализма.

При всех внешних разногласиях, в Польше, Эстонии или Чехии, единство в том, что эти страны хотят как можно скорее войти в Европу, интегрироваться в европейские структуры, быстро остановить инфляцию, открыть свою экономику, добиться конвертируемости своих валют, – не было предметом обсуждения. Там могли быть разные приемы риторики, предвыборные программы. Но как только выборы проходили, все соглашались – вот база для согласия в проведении экономической политики и никто за ее рамки выходить не собирается.

В России такого согласия не было. Здесь вопросы – куда мы хотим идти, хотим ли мы быстро останавливать инфляцию, иметь конвертируемую валюту – были предметом не только обсуждений, но и острейшей борьбы, в которую включались различные институты власти. В этой связи российская политика была политикой меняющейся, неустойчивой, непоследовательной.

Л. Бальцерович в свое время ввел понятие постсоциалистического периода чрезвычайной политики. Это время, когда очень многое из того, что ни до, ни после – невозможно, становится возможным. И ключевой вопрос в том, как использовать это время.

После социализма всем приходится решать задачи либерализации, финансовой стабилизации и структурных реформ. В период чрезвычайной политики в Польше, как во многих других постсоциалистических странах, оказалось возможным радикально продвинуться к либерализации и финансовой стабилизации. Развертывание структурных реформ происходит гораздо медленнее, их приходится проводить уже за пределами периода “чрезвычайной политики”, когда свобода маневра существенно сужена.

К моменту краха социализма в СССР не просто рухнула система – рухнула страна. У постсоветских государств, к этому времени, не было таких необходимых инструментов макроэкономического управления, как центральный банк, контроль за денежной массой, эффективно работающие таможенные службы и т. д. Это значило, что в период чрезвычайной политики надо было решать еще одну важнейшую базовую задачу – формирование минимально необходимого набора институтов государственности.

Российские власти в начале периода постсоциалистического перехода оказались способны так же, как и польские, решить две фундаментальные задачи в рамках окна политических возможностей: формирование набора институтов государственности – центрального банка, таможни и т. д. – и либерализация – включая открытие экономики, обеспечение конвертируемости валюты. Задачи финансовой стабилизации на первом рывке – рывке чрезвычайной политики – оказались неразрешимыми. Отсюда цикл попыток дезинфляции и повторной дестабилизации. Возможности проведения устойчиво осмысленной экономической политики в России появились с осени 1993 года, когда был преодолен кризис двоевластия, была принята новая конституция, четко распределяющая сферы компетенции органов власти, Россия в полной мере разобралась с наследием рублевой зоны, получила контроль за собственным денежным обращением.

К этому времени страна вновь оказалась в точке выбора. Две базовые задачи – либерализация и создание институтов государственности – были решены. Надо было решить две другие проблемы – структурные реформы и стабилизация.

К сожалению, реальная экономическая политика оказалась крайне непоследовательной. В конце 1993 года российская экономика наработала довольно серьезный стабилизационный потенциал, который позволил резко сбить инфляцию в 1994 году. Но с весны началась новая накачка экономики деньгами под аккомпанемент градуалистской риторики со ссылками на изъяны "шоковой терапии". И в результате, вместо того, чтобы подойти к стабилизации, страна подошла к "черному вторнику", последующему резкому скачку инфляции и падению доходов населения.

В целом в России процесс перехода оказался растянутым с несколькими циклами снижения и повышения инфляции. К моменту денежной стабилизации страна подошла с большим накопленным объемом падения производства, с низкими доходами бюджета в ВВП и низким коэффициентом монетизации.

Медленный переход привел Россию в точку стабилизации объема производства в условиях интенсивного бюджетного кризиса – большого объема накопленных обязательств, существенно упавших доходов бюджета, невозможности их быстрого восстановления; страна была поставлена перед необходимостью адаптации бюджетных обязательств к реальным доходам бюджета.

Разрыв между бюджетными обязательствами и реальным финансированием автоматически стимулирует рост неплатежей. 1995 год, когда в России был принят жесткий реальный бюджет – единственный год за последнее время, когда произошло резкое снижение неплатежей в реальном исчислении. Нереалистичные бюджеты 1996-1997 годов проложили дорогу новому циклу роста неплатежей. Механизм взаимосвязи здесь очевиден: массовое невыполнение бюджетами разного уровня и бюджетными организациями своих обязательств по оплате за электроэнергию, тепло, водоснабжение, оборонный заказ становится генератором волны неплатежей, распространяющейся по всей экономике.

Таким образом, неготовность принимать политические решения, позволяющие ограничить бюджетную нагрузку и выйти из бюджетного кризиса, ведет к росту неплатежей, стимулирует уход экономики в тень и дальнейшее падение налогооблагаемой базы. Неспособность преодолеть разрыв между обязательствами и реальным финансированием и дальше подрывает доходную базу бюджета. Парламент принимает бюджет, в котором доходы завышены, он не исполняется, реальные доходы сокращаются, а парламентские лидеры удивляются: как же так, почему они все сокращаются и сокращаются?

Даже в условиях начинающегося промышленного роста продолжается эрозия налоговой базы, растет разрыв между обещаниями и реальным финансированием, появляются тяжелейшие социальные проблемы – задержки выплат зарплат бюджетникам, пенсий, и т. д. Можно и дальше делать вид, что ничего не происходит и проводить эту линию. Но она будет вести к нарастающим проблемам и раньше или позже от нее придется отказываться.

Дальше есть лишь два варианта действия. Первый из этих вариантов - вернуться к эмиссионному финансированию бюджета, покрыть этот разрыв между расходами и доходами за счет денежной эмиссии. Это позволит на короткое время снять остроту проблемы невыполнимых бюджетных обязательств. Известно и то, к чему это приведет в дальнейшем: к долларизации экономики, к новому подрыву доверия к национальной валюте, падению доли денег в ВВП, к новому падению бюджетных поступлений. Вскоре страна окажется в точке, где доля денег в ВВП и доля доходов бюджета в ВВП радикально ниже, чем сегодня. Тогда придется приспособливать свои обязательства не к нынешним поступлениям, а к другим – существенно более низким – и, соответственно, идти еще более жестким путем.

Второе, что можно сделать, это пойти по пути ограничения государственных обязательств, их рационализации, т. е. отказаться от всего невыполнимого и малоэффективного, сконцентрировать социальную поддержку на помощи действительно нуждающимся, по пути налоговой реформы, расширяющей налоговую базу при снижении налоговых ставок, бюджетного реализма и т.д. На самом деле, выяснится, что этот путь единственный. Можно долго колебаться и метаться – и чем больше будем это делать, тем более жесткие меры потом придется принимать.

В этой связи несколько слов о перипетиях российской экономической политики последнего времени.

После победы Б. Ельцина на выборах 1996 года первое сформированное правительство оказалось достаточно беспомощным. Оно не имело четкого видения ситуации, не было готово проводить решительные либеральные реформы. В результате оно смирилось с принятием абсолютно нереалистичного бюджета 1997-го года и с недоумением смотрело, как растет задолженность по выплатам зарплат и пенсий, как растет социальное напряжение, как растет число участвующих в забастовках, как падают реальные объемы денежных поступлений. В результате к февралю-марту 1997 года социально-политическая обстановка стала взрывной, кризисной.

Новое правительство, сформированное в 97-ом году, взяло за базу президентское послание 97-го года, суть которого – продолжение либеральных реформ по выходу из бюджетного кризиса, налоговая реформа, реформа социальной поддержки населения, ускорение жилищно-коммунальной реформы, военная реформа и т. д. и т. д., – все необходимое для того, чтобы бюджет стал реальным, чтоб он соответствовал возможностям государства, чтоб прекратилась дальнейшая эрозия доходной базы бюджета, чтобы делили только реальные финансовые ресурсы, и соответственно,

появилась бы возможность постепенного укрепления платежной дисциплины, медленного наращивания монетизации ВВП и т. д.

Эта программа начала реализовываться, давать результаты. Правительству удалось стабилизировать налоговые поступления в бюджет, сдвинуть с места продвижение по ряду важнейших реформ, повысить уровень прозрачности собственного бюджета, перейти на казначейскую систему исполнения в значительной его части. Улучшение ситуация с зарплатами, с пенсиями – результат выбора этой политики. Беда здесь в том, что любые пробуксовки, остановки на этом пути, немедленно сказываются на ухудшении финансового положения, за них приходится дорого платить.

В России низкая доля денег в ВВП. Это накладывает серьезные ограничения на возможность внутреннего финансирования дефицита бюджета. Между тем, денежную стабилизацию в России начали не с ликвидации бюджетного дефицита целиком – правительство в 1995 году пыталось пойти более мягким путем. В результате, хотя пока внутренний и внешний долг по отношению к ВВП в России достаточно скромный, существенно ниже маастрихтских критериев, но угроза его быстрого нарастания при неспособности правительства взять расходы под контроль, добиться снижения процентной ставки, – это самая серьезная угроза, которая сейчас, как мина замедленного действия, заложена под экономическую политику в России.

Проводя либеральные реформы достаточно жестко, последовательно, эту мину можно обойти. Это предполагает быстрое и решительное ограничение заимствований, восстановление на этой базе доверия внутренних и внешних инвесторов к способности правительства в долгосрочной перспективе обслуживать долг, снижение процентной ставки, снижение реальных расходов на обслуживание долга, снижение реальных темпов прироста этого долга, потом его стабилизация и сокращение. Это то, что правительство пытается сейчас сделать. Но любые колебания в проведении этого курса немедленно вызывают недоверие инвесторов, ведут к росту процентной ставки, а та, в свою очередь, к росту затрат на обслуживание долга.

Если бы мы хотели сегодня иметь более широкий маневр в области социально-экономической политики, возможность проводить ее более мягко, для этого надо было в 93-95-м жестко и последовательно идти по тому пути, который получил журналистское название "шоковая терапия". За попытки проведения "мягких", "щадящих" реформ после социализма, к сожалению, приходится дорого расплачиваться.